

Михайлусенко Игорь
Георгиевич

7.12.95.

Общая газ. - 1995 -
7 дек. - с. 15.

В С Т Р Е Ч И

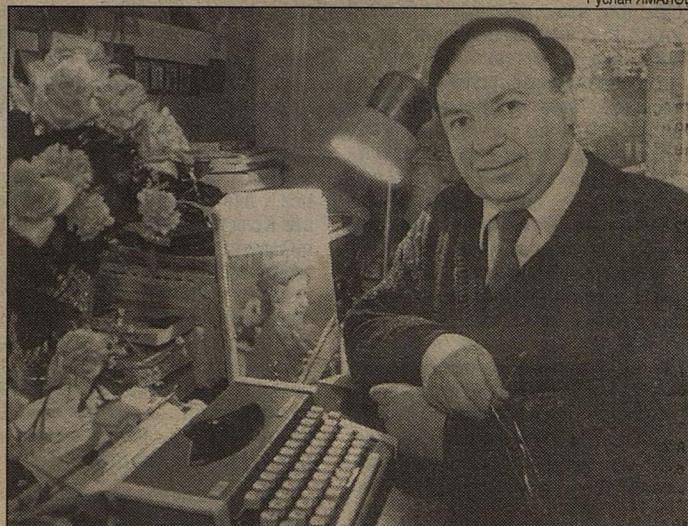
В огне не горит, в ступе не толчется

«Кто любит прачку,
кто любит маркизу,
у каждого свой дурман»,
— говорил Саша
Черный. Московский
поэт Игорь Георгиевич
Михайлусенко
неравнодушен к...
английской королеве.
Его стихи, отправленные
в Букингемский дворец,
тронули сердце
Елизаветы II и побудили
Ее Величество вступить
со своим рыцарем
в переписку...

Он сидит в своей комнате, обклеенной плакатами, увешанной значками и вымпелами, заставленной игрушками-сувенирами — круглолицими, жизнерадостными, уверенный в себе. Трудно поверить, что инвалид детства. Детство кончилось в 42-м: во время бомбёжки он потерял ноги. Мудрое решение приняла мама: что чем-то занять сына в замкнутом пространстве комнаты, пригласила англичанку — учить язык. Пока одноклассники гоняли в футбол, Игорь листал цветные книжки о культуре и истории Англии. А когда ровесники стали заглядываться на девочек, он выбрал королеву, только взошедшую тогда на английский престол.

Мальчик вырос, закончил школу, потом — Институт иностранных языков, стал Игорем Георгиевичем, написал много стихов и песен, побывал в Америке, Швейцарии, Франции, познакомился со множеством знаменитостей — вот только в Англию, страну своей мечты, так и не смог попасть. Мечтая о ней, он всегда представляет себе Англию Диккенса.

Мысль подарить королеве свои стихи пришла в 92-м. Ответа ждал недолго: Елизавета II через одну из фрейлин передала поэту свои благодарности и похвалы. Ее краткое послание Игорь Георгиевич хранит очень бережно, гордится им.

Руслан ЯМАЛОВ

Дом его — целый музей. Больше пятидесяти писем получил в свое время четырнадцатилетний Игорек, например, от академика Обручева:

— На семьдесят лет был старше, а такому мальчику отвечал...

На полке — книги с дарственными надписями от Твардовского, Николая Тихонова, академика Семёнова. Письма от Пришвина. А от маршала Жукова — несколько автографов на почтовых марках.

— Когда я бываю за границей, мне часто снится моя квартира. Просыпаюсь и думаю: как там мои книги, никто-то их там не покорумит (в смысле — не почтит)... — смеется. Он очень часто смеется. И делает смелые предположения о будущем человечества — о том, что народы станут терпимы друг к другу и к чужой вере, и миру будут привить не инстинкты, а логика...

— Давно, еще когда в институте учился, меня Бабой Ягой за оптимизм прозвали.

— ???

— Тебя, говорят, в ступу можно положить и толочь, а ты все равно будешь вопить: «Да здравствует жизнь!»

Неуемная энергия этого человека распространяется на все, что он делает. Нынешняя его идея-фикс — издать отдельной книжкой «Пять стихотворений пред очи английской королевы», те самые стихи,

одобренные Ее Величеством. Ищет деньги. Сам на двухсоттысячную пенсию живет, да и друзья его спонсорами стать не могут. В Америке эти стихи вышли — на английском языке, в переводе Уолтера Мэя. Но поэту всегда хочется, чтобы в родной стране...

Когда в последний раз был Игорь Михайлусенко за океаном (ездит он к давним друзьям по переписке), сделали они там с американскими школьниками куклу на ниточках. Назвали Джоем (Радостью, то есть). Как пришло время домой уезжать — задумался: как с Джоем быть, хрупкий он, сломается в чемодане! Вот и переслали его в посылке на имя лучшего своего друга, композитора Людмилы Лядовой. (С Лядовой они много песен вместе написали. Одну из них — «Сияя звездой, спортивная планета» — исполнил на Олимпиаде-80 Дин Рид.) Приехал Игорь домой вслед за куклой, взглянул на нее и обиделся на таможенников: Джоя распотрошили, оторвали голову.

— Наркотики искали, бриллианты! Видят же, от кого и кому посыпка, неужели мы с Лядовой будем контрабандой заниматься! — И снова смеется. Да почему бы и не смеяться: Джоя он вылечил, сшил да склеил, висит теперь у Михайлусенко в прихожей, гостей приветствует.

Анна НОВОПОЛЬЦЕВА